

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ГЕНЕЗИС ИДЕЙ

Автор: Г. Г. ПИРОГОВ, Б. А. ЕФИМОВ

© 2008 г.

ПИРОГОВ Григорий Григорьевич - доктор политических наук, кандидат эконом, наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. ЕФИМОВ Борис Александрович - кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ЦЭМИ (Москва).

Понятие "справедливость" - одно из наиболее трудно определяемых, несмотря на то, что за справедливость пролито не меньше крови, чем за землю и золото. Трудность заключается в том, что понятие справедливости охватывает как абстрактную нравственную идею, так и реальное отношение, играющее огромную роль в управлении людьми, определяющее, что такое "хорошо" и что такое "плохо" во всей структуре стимулирования - наград и наказаний. Абстрактная идея родилась в духовной религиозно-нравственной сфере и в ней же реализуется, но при этом отбрасывает свой свет на повседневную материальную жизнь общества, где она становится фактором интеграции общества, без которой невозможно обеспечить его выживание. В зависимости от социально-экономического устройства, соотношения сил классов и политических группировок, политической культуры элиты, от ее политического опыта и воли, в государстве могут доминировать концепции социальной справедливости, различающиеся в очень широком диапазоне. Но это не означает, что приемлема любая концепция справедливости. Предпочтительна концепция социальной справедливости, обеспечивающая консенсус различных слоев населения, в целом, не вызывающая серьезных возражений, а тем более возмущения сколько-нибудь влиятельных групп, а также широкого распространения среди населения чувства зависти. Общество (государство), в котором это общее представление о справедливости нарушено, где взаимоотношения определяются только выгодой (полезностью), обречено на деградацию, революции, гражданские войны, а во многих случаях на полный развал и гибель. Так, например, концепция справедливости, утверждающая, что крайняя поляризация общества и сосуществование беспросветной нищеты с предельно расточительным богатством справедливы, ибо именно представители группы богатых создают основную часть богатства общества, участвуя в процессе производства своей предприимчивостью и капиталом, в конечном счете, контрпродуктивна и для них самих, создавая возможность социальных революций, сметающих все сложившиеся порядки и устанавливающие их социальные силы. Кроме того, эта концепция способствует дезинтеграции общества. Как писал Платон: "в государстве, где существуют очень богатые и очень бедные, это фактически два государства" [1]. Такая структура способствует снижению до опасного уровня вертикальной мобильности общества и тем самым загниванию его элиты, формирующейся из богатейших слоев.

Наконец, чрезмерное богатство вызывает расточительное потребление, истощающее производительные силы нации, - на одном полюсе, моральную и физическую деградацию - на другом. Вопреки социальному дарвинизму, поляризация общества не

способствует выживанию сильнейших и гибели слабейших; происходит деградация общества в целом: верхи теряют свойственную им энергию предприимчивости и теряют способность быть лидерами общества, двигателями прогресса, сосредотачивая собственные интересы на самом низменном эгоизме. Но низы тоже не погибают, а переходят на иной уровень существования с ослабленными социальными амбициями, неустойчивыми социальными притязаниями [2].

В нашем понимании справедливость - это основополагающий принцип жизни общества, зиждущийся на традиции и играющий роль одного из главных интегрирующих элементов общества. Пока существует справедливость, солдат идет сражаться за Родину, испытывая чувство принадлежности к ней; в деловом мире, в основном, царит взаимное доверие; защищены старики, дети, женщины; низшие социальные группы принимают руководство элиты - иными словами, в обществе существует "контракт доверия". Этот контракт постоянно нарушается - в особенности в отношении бедных. Более последовательно он соблюдается в отношении крупных социальных групп, имеющих экономическую и политическую силу отстаивать справедливость. В целом, в жизнеспособном обществе существует некоторая равновесная траектория справедливости. В отличие от обычного права, "социальная справедливость" как категория морали касается и внеправовых вопросов, но в отличие от последней относится в основном к взаимодействию в области социально-политических и экономических отношений больших социальных групп.

Имеется похожая, но несколько отличающаяся трактовка: "... говоря "справедливость", мы имеем в виду как раз социальную справедливость, ибо никакой другой справедливости не существует. Категория "справедливость" сама по себе является категорией морально-правового и социально-политического сознания, понятием о должном, связанном с правами человека. Справедливость требует соответствия между реальной значимостью различных индивидуумов (социальных групп) и их социальным положением, между правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением" [3]. Акцент здесь переносится на нравственное значение справедливости. Но мы в данном случае делаем акцент на интегрирующем значении как приоритетном. Существуют и другие трактовки справедливости: справедливость как равенство перед законом; как возможность принятия участия в решении судеб своей страны на всех уровнях властной иерархии; справедливость возможностей; международная справедливость; справедливость по отношению к предкам, к природе, тендерная справедливость как отсутствие дискриминации по половому, расовому или этническому признакам. Но эти аспекты не входят в нашу задачу.

Цель статьи - рассмотреть основные теории социальной справедливости в западной исследовательской традиции, истоки и главные направления современных разработок этого духовно-практического феномена. В центре внимания анализ ее как одного из важнейших факторов функционирования социально-экономической реальности, а также более широкий спектр формирования и функционирования.

Все современные западные теории, как правило, изучают справедливость по отношению к отдельно взятому индивидууму. Одна из них - теория утилитаризма, получившая многовариантное развитие. В данном случае мы имеем в виду классический утилитаризм, что позволяет лучше понять его принципы.

Родоначальником утилитаризма является И. Бентам. Другие крупные представители утилитаризма - Д. Миллс и Джон С. Милль. Основная идея утилитаризма заключается в том, что поведение людей носит исключительно *целеориентированный* характер. Отсюда возникает принцип оценки явлений, действий, событий, поведения в зависимости от того, насколько они способствуют достижению данной цели или целей индивида. Мерой этого является *польза, выгода*. На этом тезисе зиждется этическая теория, считающая *выгоду, пользу* основой нравственности и критерием человеческих поступков. Поскольку цель ставится индивидом, утилитаризм получил развитие в качестве одной из фундаментальных основ индивидуализма. В некоторых аспектах

налета утилитаризма не избежал и марксизм, хотя и старался придать ему коллективистский оттенок ("нравственно то, что выгодно пролетариату"). Основоположники марксизма подчеркивали, характеризуя буржуазное производство как "систему всеобщей эксплуатации природных и *человеческих свойств*, систему всеобщей полезности, *даже наука*, точно так же, как и все физические и *духовные* свойства человека, выступает лишь в качестве этой системы всеобщей полезности и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена *выступало бы нечто само по себе более высокое, как правомерное само по себе*" (курсив авт.) [4]. К. Маркс отчетливо понимал разницу между "*целесо*ориентированным" и "*ценостно*ориентированным" поведением.

XX век и особенно его конец является периодом господства и расцвета утилитаризма. Применительно к проблеме справедливости идею утилитаризма разрабатывали Г. Сиджуик [5] и А. Пигу [6]. Предложенная Сиджуиком формула гласит: "Общество правильно устроено и, следовательно, справедливо, когда его основные институты построены так, чтобы достигнуть наибольшего баланса удовлетворенности для всех индивидуумов этого общества". Иногда этот критерий формулируется как "максимум счастья для максимума людей", что звучит очень красиво, но связано, к сожалению, с большими логическими трудностями. Если счастью каждого отдельного человека можно дать количественное выражение, сделав счастье разных людей соизмеримым, то сразу же становится применимым замечание Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна: "Особенно ярким примером рассматриваемого непонимания существа этой задачи псевдомаксимизации является выражение, согласно которому целью общественных усилий является получение "наибольших возможных благ для наибольшего возможного числа людей". Ведущий принцип не может формулироваться в виде требования одновременной максимизации двух или более функций" [7, с. 37]. Тогда приходится переходить к порядковым полезностям, и в этом смысле каждый максимизирует свое качественно особое счастье ("Одному бублик, другому дырка от бублика"). Кто-то максимизирует счастье, построив еще одну роскошную виллу на теплых морях, а кто-то - получив на ночь более удобное и теплое место на вентиляционной решетке метро.

Тем не менее, принцип *полезности* или *выгоды* удобен для теоретической математической экономики. Предприниматели ее называют *эффективностью* (имея в виду под этим прибыль), а потребители - *полезностью*. Вопрос о природе данного понятия достаточно сложен, и не случайно ни один из лауреатов Нобелевской премии в своей лекции по данной проблеме не останавливается на том, что он имеет в виду под используемым им понятием "эффективность".

С понятием полезности дело обстоит несколько проще: она понимается как максимально возможное удовлетворение желаний индивида. Это не значит, что утилитаризм не занимается проблемами общественного благосостояния. Но утилитаристская модель исходит из благосостояния индивидуума, а общественное рассматривает как производное от индивидуального. "Утилитаризм с самого начала приобрел антигуманную сущность, ибо не только вещи, но и сам человек в нем рассматриваются в качестве средства для достижения пользы. На первый план выдвигается личная польза вопреки общественной, коллективной. Как принцип поведения, утилитаризм требует подчинения всех поступков получению материальной пользы, выгоды, экономическому расчету, т.е. равнозначен узкому практицизму, отрицанию духовных интересов человека" [8].

Затруднительным для утилитаризма является вопрос, как из множества индивидуальных "полезностей" и "справедливостей" сформировать единую для всего общества полезность или справедливость, тем более, ранее было установлено, что индивидуальные полезности (справедливости) несоизмеримы и, следовательно, не суммируются. Тем не менее, наиболее естественным путем для утилитаризма к общественной справедливости остается распространение на все общество в целом принципа рационального выбора для одного человека (т.е. максимизация наслаждения или счастья). Вста-

ет, как уже отмечалось, задача объединения желаний всех членов общества в одну непротиворечивую систему желаний. Эта задача решается путем введения фигуры беспристрастного благожелательного наблюдателя: "Обладающий идеальной способностью симпатии и воображения, беспристрастный наблюдатель выступает в качестве совершенно рационального индивидуума, который отождествляет себя с многими и вбирает опыт других так, как если бы он был его собственным. Таким образом, он осознает интенсивность этих желаний и приписывает им подходящий вес в своей системе желаний, которые затем идеальный законодатель постарается максимизировать через приспособление правил поведения социальной системы" [9].

Таким образом, начав с индивидуума, как исходной точки, классический утилитаризм приходит к тоталитаризму, гораздо более жесткому, чем реальный социализм.

Интуитивистский подход к справедливости отводит существенное место интуитивным способностям при отсутствии конструктивных и распознавательных этических критериев. Интуитивизм отрицает, что существует какое-либо полезное и точное решение проблемы приоритета. Достоинством подхода является то, что он косвенным образом признает существование ценностноориентированных механизмов, вводя их в виде качественных социальных целей: эффективности, полной занятости, выбора между оптимизирующим механизмом распределения национального дохода и полностью эгалитарным распределением. В целом можно лучше уяснить себе интуитивизм, применив его к так называемой собирательно-распределительной дихотомии, заключающейся в поисках компромисса между двумя группами построения базисной структуры общества: во-первых, она должна быть устроена так, чтобы произвести наибольшее количество благ в смысле максимизации чистого сальдо баланса удовольствий, во-вторых, распределения этих удовольствий равным образом.

Начав теорию с социальных целей, интуитивизм приходит к банальному выбору между степенью равенства и уровнем благосостояния, осуществляемых по принципу: чем больше одного, тем меньше другого.

В реальной экономике связь между неравенством и уровнем благосостояния далеко не однозначна. Большее равенство в зарплате может оказать положительное влияние на командный стиль работы коллектива, на преданность корпорации. Чрезмерно высокие оклады высшего менеджмента в период 1990-х гг., выросшие в США в 400 раз, привели к тому, что менеджмент стал больше интересоваться развитием личных накоплений путем сомнительных операций вместо развития возможностей предприятия. С другой стороны, уменьшение разрыва в зарплате между высшим менеджментом и рядовым служащим в японской корпорации в период быстрых темпов роста являлось положительным фактором сплочения коллектива корпорации.

В интуитивистской концепции не дается никаких правил приоритета для определения того, как будут балансироваться конкурирующие принципы. Это дает широкий простор самым различным подходам при выборе весов.

Так, в гайдаровский период в России самым модным утверждением либералов (как это нетрудно показать, ничем не обоснованным) было "чем больше равенства (справедливости), тем ниже темпы роста производительности (душевого дохода общества)". Следовал простой вывод: выбросили справедливость вместе с социальной политикой, - пусть, кто может, - обогащается, вырастет слой "эффективных предпринимателей", а они уже помогут впоследствии создать высокий душевой доход и обогатить весь народ. Прошедшие 15 лет показали, что лозунг, как и лежащая в его основе концепция, служили просто фиговым листком, прикрывающим разграбление страны ничтожным меньшинством, дорвавшимся до власти. Производство упало вдвое, миллионы россиян были брошены в нищету. И поныне народ никак не может - не то чтобы обогатиться - выйти из крайне бедственного положения, в то время как состояния некоторых новоявленных российских миллиардеров превосходят 20 миллиардов долл. За один только 2007 г. число российских миллиардеров, по данным

"Форбс", удвоилось. Представляется сомнительным, чтобы на основе интуитивизма можно было бы строить адекватную теорию справедливости.

Справедливость как зависть. Эта идея не нова и не оригинальна, хотя и весьма привлекательна для либералов своей простотой и прямолинейностью. В современном варианте она принадлежит З. Фрейду, придававшему в своих построениях большое значение зависти (в особенности сексуальной). В то же время она пересекается с основной мыслью Ф. Ницше в том, что миссия человечества заключается в порождении великих людей, "сверхчеловеков", для взращивания которых оно обязано служить лишь питательной почвой, в то время как у них нет никаких обязанностей по отношению к прочим людям, разве что держать их в узде. Такой ход рассуждений естественным образом приводит к мысли, что единственная справедливость - существование сверхчеловеков (или, по-современному, сверхбогатых), а все остальное, что именуется человечеством испокон веков справедливостью, есть простая зависть. Те, кто ставит вопрос о справедливости, просто завидуют богатым, между тем как нормой является ничем не ограниченная экономическая, социальная, политическая поляризация общества, где обездоленные не имеют никакого права на защиту со стороны общества и государства. Данная позиция схожа с точкой зрения кальвинизма, согласно которой бедность - знак предопределения души к "вечному осуждению", а богатство - признак предопределения к спасению, поэтому человек всегда "справедливо" богат и "справедливо" беден.

На наш взгляд, однако, более правильным является противоположное утверждение: справедливость есть состояние, когда никто никому не завидует, общество не испытывает социальной напряженности. Еще точнее - это состояние согласия, при котором никто не требует его изменения для улучшения своего положения, т.е. все, за исключением небольших маргинальных групп, согласны с существующим порядком распределения прав и обязанностей [10 - 12].

Д. Ролз пытается опровергнуть гипотезу зависти, во-первых, формально-теоретическими построениями, опирающимися на его концепцию справедливости как честности, используя факт наличия мощного слоя среднего класса в современном западном обществе. При такой социальной структуре общества, как полагает Д. Ролз, существование групповой социальной зависти невозможно. Имеет место так называемая унимодальная структура, когда распределение домашних хозяйств по доходам и/или богатству имеет вид, близкий к колоколообразной кривой с небольшими "хвостами" слева и справа. Первый соответствует бедным, второй - богатым слоям населения. Но возможно и бимодальное распределение, когда кривые имеют два максимума - слева и справа, а между ними, на месте среднего класса, зияет провал [13].

К унимодальному типу общества сейчас относятся страны "золотого миллиарда" (за последнее десятилетие наблюдается рост поляризации и в самых богатых странах. Эта поляризация идет настолько быстро и повсеместно, что вызывает обеспокоенность широких слоев мировой общественности), но большая часть человечества живет в обществах бимодального типа, в отношении которых логика Д. Ролза не применима. Весь мир также представляет собой бимодальное общество, где правый максимум образует золотой миллиард, а левый - почти весь остальной мир. Поэтому речь идет о чем-то другом; зависть - чувство индивидуальное, предполагающее, что индивид хочет завладеть объектом, находящемся в собственности или под контролем другого, поставить себя на его место.

То, с чем на самом деле приходится иметь дело и правительствам, и социологам, - есть групповое социальное (если хотите, классовое) возмущение существующим порядком и при том не только его распределительной стороной, но и неравенством социальных возможностей. Попутно заметим, что в последней четверти XX и начале XXI века возрастет социальная поляризация и в странах золотого миллиарда, проявляющаяся во всплесках социального возмущения в связи с наплывом иммигрантов из развивающихся стран. Общество золотого миллиарда утрачивает этносоциальную

стабильность. В отличие от индивидуальной зависти, классовое социальное возмущение направлено не на замену одного собственника желаемого объекта другим (т.е. самим собой), а на слом всего существующего порядка, как крайне несправедливого.

Концепция справедливости Д. Ролза. Мы уже ссылались на некоторые аспекты его понимания справедливости. В целом она представляет собой расширенную концепцию справедливости как честности. Ролз вводит понятие "*правильность*" в качестве некоего свода правил, которые честно выполняются принявшими их сторонами. На этот свод правил накладываются определенные ограничения, обеспечивающие более или менее бесперебойное функционирование общественной кооперации. Им выдвигается два принципа, лежащих в основах системы базовых правил, составляющих основу справедливости. В свою очередь, эта система кладется в основу реальных общественных институтов. Последние понимаются Ролзом как "публичная система правил, которые определяют должности и положения, соответствующие правилам, а также обязанности облеченных властью лиц и их неприкосновенность" [9, с. 61]. Институты являются справедливыми, если построены на базовой системе справедливых правил, и несправедливыми в противном случае.

Два основных принципа справедливости, по Ролзу, гласят: "*Первый* - каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод. *Второй* - социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы (а) из них можно было разумно ожидать преимуществ для всех; (б) доступ к положению ... и должностям был бы открыт всем".

Возникает, однако, вопрос, каким образом члены общества могут прийти к принятию указанных принципов. Отвечая на него, Ролз выдвигает концепцию *исходного положения*, которая определяет базисную структуру, позволяющую осуществить второй принцип при соблюдении приоритета первого. Предполагается, что возможно некое *исходное положение*, в котором все члены общества наделены в равной степени всеми экономическими благами и в то же время свободны в выборе основных принципов дальнейшего устройства общества. Исходная ситуация представляет собой комбинацию *взаимной незаинтересованности* (в том смысле, что любой индивид равно благосклонен к интересам любого другого индивида, а точнее - просто безразличен к ним). Последнее предполагает, что индивиды в исходном положении не располагают никакой информацией о позиционировании в будущем себя или своих потомков. Рассматривая ситуацию как игровую, можно сказать, что участники не имеют никаких оснований для подсчета вероятностей будущих платежей. Вторая особенность исходного положения заключается в том, что участники не склонны заботиться о том доходе, который они могли бы получать сверх минимального. Третья - участники не склонны к серьезному риску.

Таким образом, в игровой ситуации исходного положения участники руководствуются правилом максимума, а, следовательно, им нет смысла добиваться более выгодного для себя общественного устройства, чем то, которое обеспечивается принятием общих принципов справедливости. Однако сам Ролз постоянно подчеркивает, что ситуация исходного положения является чисто умозрительной или гипотетической, и сфера применения ее ограничена построением в некотором смысле наилучшей (по сравнению с другими подходами) работающей теории справедливости. Здесь приводится очень упрощенная схема концепции Ролза. В оригинале она развернута в широкое философское построение, сопровождаемое строгими логическими выводами. В частности, значительный интерес представляет его критика эффективности Парето. Он делает это через понятие репрезентативного человека, представляющего определенную социальную группу. Пусть, например, репрезентативный человек представляет помещиков. В таком случае крепостное право эффективно, поскольку не может быть отменено без ухудшения положения всего класса помещиков. Во избежание подобной ситуации, Ролз предлагает допустить возможность минимизации в отношении

любого из репрезентативных людей. Причем каждый из этих экстремумов эффективен, но не все они являются справедливыми.

Все подходы к проблеме справедливости (за исключением подхода Дж. Стиглица) трактуют критерии перераспределения продукта, созданного в результате обмена или оптимизации производства. Согласно критерию Парето, например, избыточный продукт может быть распределен как угодно, но лишь с тем ограничением, что не должно ухудшиться положение ни одного участника процесса (в абсолютном выражении), и при этом должен быть достигнут максимально высокий уровень этого продукта.

В противовес этому Д. Ролз выдвигает принцип "помогай самому слабому" и переводит задачу в поиск максимума, где сначала максимизируется продукт в целом, а затем минимизируются оценки отдельных видов продукции, потребление которых обеспечивает участникам процесса ту или иную субъективную

полезность. Критерий Ролза можно выразить в виде $\sum \lambda_i X_i$, где X_i представляет собой справедливое состояние участника по Бентаму в обществе, состоящем из индивидуумов "*homo economicus*".

Экономическая интерпретация критерия Ролза не представляет затруднений, если считать, что λ_i - является оценкой единицы полезностей, приходящихся на индивида. Действительно, общая сумма полезностей в результате оптимизации выросла, а оценки за каждую полезность сделались минимальными, следовательно, при обмене каждый получает больше полезностей на единицу своего дохода, который признается неизменным. Согласно правилу, никто не должен оказаться в худшем положении, чем до обмена, а, следовательно, богатство, которое не вовлечено в обмен, перераспределению не подлежит, и бедный получает значительно меньше, чем богатый. Можно ввести коэффициент λ_i - как некий агрегатный показатель, отражающий выгоду данного индивида в отношении производства полезностей. Но и в этом случае коэффициенты λ остаются неизменными, т.е. неизменной остается значимость каждого участника и его выгода. Более того, она задается экзогенно.

Разработанные до сих пор подходы, во-первых, касаются только распределения дополнительного продукта, появившегося в результате оптимизации. Во-вторых, в них полностью отсутствует фактор времени. Но проблема справедливости относится не только к дележу продукта. Постановка задачи как поиска равновесия при использовании различных модификаций модели общего равновесия и критерия Парето приводит к стационарности подходов, т.е. отсутствию в модели фактора времени. Кроме того, что еще более важно, в моделях отсутствует механизм, с помощью которого критерий должен достигаться, а, следовательно, и вся модель функционировать. В неявном виде предполагается, что консенсус в обществе по поводу критерия достигнут, модель построена и функционирует.

Еще раз следует подчеркнуть, что все подходы к справедливости, вытекающие из концепции общего рыночного равновесия, могут относиться только к гомогенному обществу. "Все большее различие между классами нарушает принцип демократического равенства" [10, с. 80].

Второй принцип справедливости (равная возможность вертикальной мобильности) вводится через понятие *чистой процедурной справедливости*, которая предполагает, что хотя названного критерия правильности результата не существует, есть правильная или "чистая" процедура, такая, что результат скорее всего будет честным [9, с. 87].

Таким образом, Д. Ролз признает, что деление общества на классы меняет характер как эффективности, так и справедливости, и равновесие становится уже не единственным. Оба его принципа справедливости были бы вполне приемлемы, если бы он не отдавал приоритет базовым свободам перед базовыми благами. Кроме того, у Ролза есть оговорка, что институты, вытекающие из второго принципа справедливости, не должны "иметь большого сходства с административным распределением благ". Однако обеспечение справедливости обязательно требует значительного вмешательства государства в экономику. Тем не менее, теорию Д. Ролза следует считать наиболее разработанной и фундаментальной на сегодняшний день теорией справедливости.

Проблема социальной справедливости у Дж. Стиглица. Эта концепция исходит из теории Д. Ролза и является ее развитием. Стиглиц начинает с отсылки к труду Д. Ролза, замечая, однако, что социальная справедливость является нравственной обязанностью. Вместе с тем, он подчеркивает, что "стремление к счастью", о котором говорится в Декларации независимости США, бессмысленно без некоторого базового уровня дохода [16].

Ценность социальной справедливости определяется, по его мнению, прежде всего, тем, что она способствует консолидации общества, в то время как социальная поляризация ведет к подрыву социальной стабильности: "Америка находится в числе стран с наиболее высокой долей населения, находящегося в тюремном заключении, и частично это, несомненно, определяется чрезвычайно высокой степенью неравенства... Многие бедные не имеют адекватного доступа к здравоохранению, детская смертность в некоторых районах Америки выше, чем в развивающихся странах" [14, с. 347]. Вместе с тем, Дж. Стиглиц переносит акцент проблемы на равенство возможностей. Это равенство относится, прежде всего, к новым поколениям: "Каждый должен признать, что будущее ребенка не должно зависеть от имущественного положения его родителей". Он обращает внимание на положительную связь между равенством возможностей и экономической эффективностью: "Большее равенство возможностей означает, что страна будет лучше использовать свои основные людские ресурсы, обеспечив каждому возможность полного использования своего потенциала. Повысятся и эффективность, и справедливость распределения" [14].

Понимание равенства возможностей у Дж. Стиглица следует отличать от либерального принципа равенства возможностей, сформировавшегося в XVIII-XIX вв., сводящему социальное равенство к юридическому провозглашенному, но экономически не гарантированному равенству возможностей ("шансов") индивидов в стихии рыночных отношений. Эта либеральная трактовка противоречит концепциям "*социального государства*", "*национального государства*", "*религиозного государства*" и т.п. Равенство возможностей - основная причина перетекания богатств от бедных к богатым, при этом любой бедный имеет некоторый шанс (весьма маленький) стать богатым [14, с. 349].

В отличие от Д. Ролза, понимающего первый принцип справедливости как абсолютный приоритет свобод перед возможностями, он рассматривает свободы как права человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. Он ставит при этом вопрос о расширении перечня базовых прав человека: "В Америке мы (как и в современной России - авт.), как правило, понимаем наши права как ограничения, *налагаемые на государство* (курсив наш): *государство* не должно нарушать ни одного из *гражданских прав* (курсив наш). Но по мере расширения этих прав - от права на частную жизнь до права знать, что делает государство, права делать выбор, права на достойную работу или права на основные нормативы здравоохранения - для осуществления этих прав индивида требуется все большее вмешательство государства" [15, с. 357]. Иными словами, Дж. Стиглиц выступает за включение в перечень прав человека, наряду с ограничениями на деятельность государства, права требовать от государства, чтобы оно приняло на себя определенные обязательства, имеющие для человека базовую ценность сами по себе, с точки зрения развития и использования потенциала человеческой личности, т.е. того, что мы называем социальными гарантиями: здравоохранение, реальное участие в управлении государством, пенсионное обеспечение по инвалидности и старости. Это предполагает наряду с ограничениями деятельности государства в определенных обстоятельствах, необходимость расширения его деятельности в области социальных гарантий и обеспечения общенациональной социальной стабильности. Но это требует, в свою очередь, расширения вмешательства государства в экономику.

Стиглиц ставит также еще один важнейший вопрос: об интергенерационной устойчивости справедливости: "Наряду с обеспечением честности и справедливости по отношению к ныне живущим, мы должны помнить о справедливости по отношению к будущим поколениям... Загрязняя атмосферу, изменяя климат повышенной концентрацией парниковых газов,... мы ставим под угрозу благополучие наших детей и внуков. Именно поэтому мы должны обращать внимание не только на социальную справедливость сегодняшнего дня, но и на *устойчивость* этой справедливости, которая подразумевает благополучие поколений, в том числе сохранение окружающей среды, сбережение наших природных ресурсов, поддержание нашей инфраструктуры и развитие нашего *культурного достояния*" (курсив наш) [15, с. 351].

В другой работе "Глобализация: тревожные тенденции" Дж. Стиглиц приводит многочисленные примеры того, как принцип "чем больше справедливости, тем меньше эффективности и наоборот", навязанный США и МВФ развивающимся странам и странам с постсоциалистическими режимами, приводит к резкому нарушению социальной стабильности, вплоть до массовых беспорядков. Основная мысль самого Стиглица в отношении социальной справедливости заключается в том, что она является, помимо нравственной ценности, важнейшим фактором эффективности, правда, в расширенном ее понимании - за пределами таких критериев как прибыль и прирост рыночной стоимости активов корпорации.

Можно взять на вооружение второй принцип социальной справедливости, может быть, с некоторыми модификациями. Однако лозунг Стиглица "социальная справедливость не только для бедных, но и для всех" имеет, по-видимому, отношение только к странам "золотого миллиарда" с многочисленным (пока еще) средним классом. Для развивающихся и постсоциалистических стран (включая Россию) в настоящее время не меньше, а, может быть, и большее значение имеет сокращение бедности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Государство. Законы. Политика. М., 1992.
2. См. Фогель Р. Экономический рост, демография и физиология: воздействие долговременных процессов на разработку и осуществление экономической политики // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. В 5 т. М., 2005. Т. 5. Кн. 1.
3. Бишток Ф. И., Ермакова А. И., Наумова Н. Ф. и др. Проблема социальной справедливости в зеркале современной экономической теории. М.: УРС, 2002. С. 7.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Коммунистический манифест.
5. Сиджуик Г. Принципы политической экономии // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. В 5 т. М.: Мысль, 2005. Т. 2. С. 137 - 155.
6. Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния // Там же. Т. 3. С. 576 - 602.
7. Дж. фон Нейман, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970. С. 37.
8. Афанасьева А. И. Утилитаризм // Социологическая энциклопедия; в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 689.
9. Ролз Д. Теория справедливости. М., 1995. С. 37.
10. Ефимов Б. А., Кирута А. Я. О социальном равновесии и социальной справедливости // Математическое моделирование. 1993. Т. 5. N 12. С. 79 - 97.
11. Ефимов Б. А. Индексы экономического развития // Математические модели экономических механизмов / Сб. под ред. Макарова В. Л. и Полтеровича В. И.
12. Ефимов Б. А., Кирута А. Я. Социальное равновесие, представление социальных равновесий и голосование // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. N 3. С. 122 - 139.
13. Пирогов Г., Чернавская О., Чернавский Д. Модель бимодальной социальной структуры. М., 1993.
14. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. М., 2005. С. 347.
15. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 357.